

Глава VII. Две заблудившиеся души. (1921-1922)

*И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.*

1. "Танцевать - это жить"

Айседора Дункан, знаменитая балерина-босоножка, поражающая мир своим искусством, приехала в Россию по приглашению Советского правительства, чтобы организовать в голодной и разрушенной России школу танцев. "Весной 1921 года, – пишет она в книге "Моя жизнь", – я получила следующую телеграмму от Советского правительства: «Русское правительство единственное, которое может понять вас. Приезжайте к нам. Мы создадим вашу школу».

"Откуда пришло это обращение? – несколько высокопарно писала стареющая балерина. – Из ада? Нет — но из ближайшего от него места, которое для Европы заменяло собою ад, — от Советского правительства, из Москвы. Я ответила: «Да, я приеду в Россию и стану обучать ваших детей при единственном условии, что вы предоставите мне студию и все, что необходимо для работы... ».

Айседора Дункан хотела реализовать в России свою давнюю мечту – создать школу, в которой тысячи детей будут обучаться ее танцу – танцу будущего. Танец будущего – это результат творческих усилий оригинальной балерины, чье танцевальное мастерство резко отличалось от техники классического балета. Дункан даже критиковала последний за формализм и неестественность движений. Айседора взяла за основу своего танца позы танцующих людей с древнегреческих ваз, считая, что они являются самыми естественными движениями на земле. В них она видела истинное первое понятие красоты. И новую школу танца должны составить те движения, которые стоят в теснейшей гармонии с совершенной формой человеческого тела. Ради этого будущего танца она намеревалась работать в большевистской России.

Это было пятое путешествие в Россию знаменитой танцовщицы. Почему она приняла предложение Советского правительства, зная, что на Западе к России относились с осторожностью. Почему она с радостью была готова "вступить в государство коммунизма", отказавшись от привычных ей бытовых условий, простившись со своими друзьями и единомышленниками? И хотя три года, проведенные ею в России оказались для нее трудными, полными разочарования и в творчестве и в любви, Айседора признавалась, что это были счастливейшие годы в ее жизни.

В своей речи в Париже, после того, как она великолепно станцевала "Марсельезу", Айседора Дункан сказала о том, главным, что ее волновало всю жизнь, о желании осуществлять свою мечту – создавать школы "танца будущего", потому что, по ее мнению: "Танцевать — это жить. И то, чего я хочу,— это школа Жизни, так как наибольшее богатство человека — это его душа и воображение". Однако это страстное желание было лишь одной из причин ее приезда в Россию. Второй причиной было тяжелое материальное положение, катастрофическая нехватка денег на содержание школы танца, падение прежней популярности. Третья причина – сильнейшая психологическая депрессия, связанная с гибелью ее детей, разрывом с миллионером Зингером и своим последним любовником..

Образ **Айседоры** возник перед Сергеем в романтическом ореоле, который усиливал его тягу к обворожительной женщине. Дункан было 43 года, но она была еще хороша собой и на редкость обаятельна. Они сразу же потянулись друг к другу, и это была не просто любовь. Что-то сразу толкнуло их в объятия друг друга, какие-то подсознательные силы возбудили их чувства и они поняли, что судьба свела их не напрасно. Особенно сильно потянулась к милому золотоголовому мальчику опытная и испытывавшая в жизни большие страдания Айседора. Чтобы понять суть их отношений и их бурную, полную ссор и радостей, удивительную недолгую совместную жизнь, мы должны увидеть Айседору Дункан во всем ее необыкновенном облике великой танцовщицы, умной женщины, которой восхищались многие великие художники мира, доброй и глубоко переживающей натуры, страдающей от тяжелых ударов, нанесенных ей судьбой.

А для этого вернемся несколько назад, в конец XIX века, где на другом конце земного шара, в Сан-Франциско, в 1877 году, в типично американской семье ирландского происхождения родилась девочка, которую назвали Анжела Айседора, и

которой суждено было одарить мир своим чудесным искусством и полной страданий и приключений жизнью.

2. Блистательный путь Айседоры к славе

Когда отец Айседоры, 50-летний Джозеф Чарльз Дункан, разорился и ударился в бега, его молодая жена Мэри Дора Грей была беременна. Возмущенные вкладчики ворвались в их дом с криками "Смерть Дункан!" Все это подействовало на молодую женщину, которая упала в обморок и проболела несколько месяцев. Видимо у неё произошло повреждение зачатка во время этого стресса, и вскоре на свет появилась дочка Айседора. Семья распалась, и Дора Грей-Дункан оказалась одна с четырьмя маленькими детьми на руках.

"Я должна быть признательна тому, – писала Айседора Дункан, – что в течение всей нашей молодости мать оставалась бедной". По наследству Айседора получила не только твердый характер, умение воплощать в жизнь свои фантазии, впечатлительность и широкую натуру, но и способность и страсть к искусству от обеих ветвей своей семьи. "Настоящее воспитание я получала в течение тех вечеров, когда мать играла нам Бетховена, Шумана, Шуберта, Моцарта, Шопена и читала вслух Шекспира, Китса или Бернса. Эти часы очаровывали нас".

Танцевать Айседора научилась еще в детстве, и это ее природное дарования она решила использовать в своей жизни. Избавившись от нудного обязательного образования, Айседора решила посвятить себя самообразованию, музыке и танцу. "Сама я никогда не откладывала того, чего хотела, – писала Дункан. – Это часто приводило меня к неприятностям и разочарованиям, но, по крайней мере, я испытывала удовлетворение от того, что иду собственной дорогой..." Айседора обладала твердым характером и настойчивостью в достижении цели. В июне 1895 года, за несколько месяцев до рождения в России Сергея Есенина, восемнадцатилетняя Айседора со своей матерью приехала в Чикаго. Наличными у них было всего 25 долларов, а весь багаж состоял их небольшого чемоданчика с пожитками. Целый год Айседора перебивалась работой танцовщицы в театре, и у них подчас не было денег на еду. "Я была крайне несчастна, – писала Айседора. – Мои мечты, мои идеалы, мое честолюбие — все казалось ничтожным". Но затем ей повезло. Благодаря помощи богатых дам, Айседора уехала в Лондон, где и началась ее

дальнейшая слава танцовщицы. Журнальная статья того времени передает впечатление о молодой Айседоре. "Танцовщица не делает ни одного лишнего шага, – писала критика, – а весь танец кажется пришедшим из Древней Греции.. Внешне мисс Айседора изящна, высока и хрупка, с правильными чертами узкого лица и густыми темными волосами".

Айседора остро нуждалась в понимании своего танца со стороны интеллигенции, поэтому всю свою жизнь она будет искать общества художников, артистов, философов и музыкантов, используя для своих танцев философские книги и музыку классических композиторов. Отказавшись от предложения танцевать в Берлинском мюзик-холле, Дункан поехала завоевывать Париж, где впервые встретила с великим Роденом, который попытался вылепить ее скульптуру.

В первые дни знакомства в ее студии, вспоминает Айседора, "я остановилась, чтобы объяснить ему мою теорию нового танца, но вскоре поняла, что он меня не слушает. Он пристально смотрел на меня сверкающими глазами, а затем, с тем же выражением, которое было на его лице, когда он стоял перед своими работами, подошел ко мне. Его руки заскользили по моей шее, груди, погладили мои плечи и скользнули по бедрам, по обнаженным коленям и ступням. Он начал мять все мое тело, словно оно было из глины. От него исходил жар, опалявший и разжигавший меня. Возникло желание покориться ему всем своим существом, и действительно, я бы так и поступила, если бы не испуг — результат моего нелепого воспитания. Я отступила, набросила платье поверх туники и, придя в замешательство, прогнала его. Как жаль! Как часто я раскаивалась в этом ребяческом ложном понимании, которое лишило меня случая отдать свою девственность самому великому Пану, могучему Родену".

С Германии начался ее шумный успех, когда студенты просто сходили с ума, умоляя ее танцевать на столиках студенческого кафе. После путешествия во Флоренцию, где Айседора провела несколько недель, осматривая галереи, сады и оливковые рощи солнечной Тосканы, она вернулась в Берлин, где вновь танцевала при переполненных залах. Она поставила танцы, которые исполняла в одной тунике и босиком на музыку Брамса, Шопена, Чайковского, Глюка, Бетховена. Это время ее наивысшего расцвета. Айседора в это время была прелестной и хрупкой девушкой. Она много читала, была жизнерадостна и полна желанием славы. Мать постоянно заботилась о ней, а сестры и братья обожали. Душа ее была открыта, сердце полно

добротой, хотя иногда в ней просыпался какой-то страх — непонятное ощущение чего-то тревожного и необъяснимого.

В 1904 году Айседора Дункан приехала в Россию, центр балетного искусства всего мира. О ее выступлении в зале Дворянского собрания писали в «Петербургской газете»: «...потрясающая пластическая чувственность. Ее тело словно околдовано музыкой... Но это не та нагота, которая вызывает греховные помыслы, а, скорее, естественная нагота...». В Москве она встречалась с известной русской балериной Тamarой Карсавиной, сидела в одной ложе с Матильдой Кшесинской, прима-

балериной Мариинского театра и любовница императора, а знаменитый основатель русских сезонов в Париже Сергей Дягилев не сомневался, что Айседора Дункан оказала влияние на великого реформатора русского балета Михаила Фокина.

Вдохновленная успехом, Айседора решила открыть свою школу, которая уже давно была создана в ее воображении. Школа танца стала ее навязчивой мечтой всей жизни. Она пытается построить в Греции храм, где смогла бы исполнять настоящие античные танцы, и где проходило бы обучение множества детей. На этот громоздкий и неуклюжий храм уходили все ее с таким трудом заработанные деньги. Но из этой фантастической затеи ничего не вышло. "К этому времени, — писала Дункан, — моя популярность в Берлине стала почти невероятной. Меня называли «божественной Айседорой». Я никогда не носила иной одежды, кроме короткой белой туники и сандалий, оставляя ноги обнаженными. Зрители приходили на моих представлениях в состоянии совершенного экстаза". Айседора была покладиста, простодушна, легка на подъем; она ничего не пила кроме воды и была разборчива в еде.

Получив признание в Европе, Айседора едет на свою родину, в Америку, где в возрасте тридцати одного года завоевала успех у строгой критики и очаровала довольно пуританскую публику. Но на ее мечту открыть школу богатые толстосумы откликнулись сдержанно. Если бы не Парис Зингер, наследник огромного состояния и производитель швейных машинок, который встретившись с Айседорой в ее примерной, предложил взять на себя расходы по содержанию школы. В 1909 году

Айседора купила дом и большую студию в Париже. Оба помещения идеально подходили ей: дом, где жили дети с гувернанткой, был отделен от студии большим садом, и поэтому танцовщица могла заниматься до позднего вечера, не боясь никого потревожить. Дом и студия располагались в богатом квартале Парижа, отделкой дома занялся знаменитый модельер Пуаре, который также шил Айседоре ее любимые греческие туники. Творческий и финансовый успех, а также миллионы Зингера изменили ее образ жизни.

Однако все это продолжалось недолго. После трагической смерти детей и разрыва с Зингером, Айседора почти перестала выступать. Теперь она вся ушла в преподавание. В ее доме в Бельвю, на побережье Франции, где танцовщица проводила свои дни, постоянно бывали и друзья Айседоры: итальянский поэт Габриэль д'Аннунцио и великая театральная актриса Элеонора Дузе. Сад Айседоры располагался рядом с садом стареющего Родена. «Часто здесь в сумерках эти два необыкновенных и вызывающих восхищение человека гуляли одни, без своих гостей». Роден давно уже восхищался Айседорой, но теперь восхищение силой ее духа переросло в благоговение перед ней. «Айседора Дункан — величайшая из женщин, которых я знал, — говорил великий скульптор, — и ее искусство вдохновляло мою работу гораздо больше, чем что-либо другое. Иногда я думаю, что она величайшая из женщин, которых знал мир».

Во время первой мировой войны Айседора создает патриотические танцы, но слава ее начинает меркнуть. Утомленной войной Европе было не до фантастических кружений полуобнаженной вакханки. Долги Айседоры росли, особенно из-за расходов, связанных с ее любовью к роскоши и всяким изыскам. Еле расплатившись с долгами в Америке. Айседора уезжает в Париж, где снова начинает вести богемный образ жизни, устраивая разнообразные вечера, устраиваемые для художников, музыкантов, и отправляющихся на фронт офицеров. Айседора не смогла расплатиться за аренду своего дома в Париже. Денег на проживание детей ее школы не было, и ей пришлось брать ссуды у ростовщиков под бешеные проценты. В 1916 году, чтобы раздобыть денег, Дункан подписала контракт в Южную Америку и отплыла в Буэнос-Айрес. Турне по Латинской Америке прошел с переменным успехом. Айседора в последнее время стала очень зависеть от настроения публики, но ее успех в Монтевидео и в Рио-де-Жанейро окупил все ее прошлые потери. Однако денег на школу так и не было.

Несколько необдуманное поведение Айседоры привело к тому, что Зингер окончательно ушел от нее, лишив тем самым материальной поддержки. После этого начались годы скитаний по миру.

Айседора то в Нью-Йорке, то в Лондоне, то посещает свои любимые Афины, куда прибыли ее любимые ученицы. Казалось, все благоприятствовало школе. У стареющей Айседоры появляется фантастическая мысль об обучении тысячи детей для участия в великих праздниках Диониса на стадионе. Однако школа за неимением денег распалась. "Уязвленная в самое сердце, – пишет Ф. Блейер, – она с огромным трудом составляла программы и выступала в одиночку. Раньше работа была для нее отдушиной, но теперь ее школа перестала существовать. Для того чтобы продолжать танцевать, она вынуждена была прикладывать героические усилия.

Айседора не могла переносить боль пассивно. Ее жизнь, полная трудностей, научила танцовщицу действовать, чего бы это ни стоило. Ее кредо заключалось в том, что всегда можно что-то предпринять и что именно она должна сделать это, а не сидеть сложа руки. так теперь она решила основать новую школу там, где это будет нужнее всего".

Летом 1920 года, перед отъездом в Грецию, она несколько раз обращалась к французскому правительству с просьбой поддержать ее новую школу. «Сегодня я предлагаю свою школу Франции, но Франция, в лице милейшего министра изящных искусств, лишь улыбается мне. Я не могу содержать детей в моей школе на улыбку... Помогите мне создать школу. А если нет, я поеду в Россию, к большевикам. Я ничего не знаю об их политике. Я не политик. Но я скажу их вождям: «Отдайте мне своих детей, и я научу их танцевать как Боги — или пристрелите меня». Потому что, если у меня не будет школы, это все равно убьет меня...»

3. Болезненная чувственность Дункан

Айседора находилась в отчаянном состоянии не только из-за невозможности воплотить в жизнь свои идеи об идеальном танце будущего. Финансовые неурядицы не очень беспокоили ее в личном плане. Хотя ей пришлось продать свой отель Бельвю французскому правительству под госпиталь, она на полученные деньги приобрела дом на Рю де ла Помп. Больше всего Айседора переживала свою главную трагедию в жизни – смерть троих детей. Видимо из-за этого у нее произошли психические сдвиги

в сознании, которые постоянно подталкивали ее к мысли о самоубийстве. Айседора пережила не только эту трагедию. Ее частые любовные истории заканчивались обыкновенно разрывом и предательством со стороны избранных ею мужчин. «В ее жизни, писала Ф. Блейер, – было две сильнейшие страсти: Искусство и Любовь. В искусстве она добилась славы, в любви она потерпела поражение».

Еще двенадцатилетней девушкой Айседора решила раз и навсегда, что она будет бороться против брака, за освобождение женщины, за право каждой женщины иметь ребенка или несколько детей, когда ей этого захочется. Она дала обет на всю жизнь, что никогда не опустится до этого унижительного состояния. "Я всегда хранила этот обет, – писала Дункан, – даже когда он стоил мне отчуждения матери и превратного понимания всего света". Романтически настроенная, она берегла свою девственность, но сердце ее, страстное и большое могло вместить в себя многие чувства.

Двадцатичетырехлетняя Айседора, посвятившая свои юные годы получению признания в странах Европы, наконец-то страстно влюбилась. Будучи на гастролях в Будапеште, она встретила актера Оскара Бережи – красивого молодого человека, высокого и великолепно сложенного, с черными вьющимися волосами – настоящий Давид Микеланджело. «Когда он улыбался своими яркими, чувственными губами, – писала Дункан, – его улыбка была белоснежна. С первого взгляда мы не сумели скрыть нахлынувших на нас чувств. С первого взгляда мы были уже в объятиях друг Друга, и никакая сила на земле не могла помешать этому». То, «чему не могла помешать ни одна сила на земле», произошло однажды ночью, после того как миссис Дункан уснула, полагая, что Айседора в постели. Бережи тайно пробрался к Айседоре. Ее собственный пыл и "ее сострадание к его мукам" пересилили страхи Айседоры. "В испуге и в то же время в упоении я поняла, что все свершилось". Она вся расцвела от счастья, так мечтала об этом всю свою жизнь и не могла поверить, что все это происходит наяву.

Однако вскоре прекрасный Ромео (так Айседора называла своего первого мужчину) бросил ее, отчего у танцовщицы случился нервный срыв. Она тяжело заболела. "Я провела несколько недель, – вспоминала Дункан, – в состоянии крайнего упадка и в ужасных страданиях". Но мужество не покинуло сильную и жаждущую успеха женщину. Она продолжала свои выступления "Это бесконечно честолюбивая... молодая девушка, – писали критики, – считает свое искусство

священным". Получив первые сексуальные удовольствия, она вдохнула их в свой танец. "Она выразительна, как восторженная вакханка, как нимфа, охотящаяся за фавном. Это и составляет ее сущность..." – отмечал проницательная журналистка.

В течение двух лет, прошедших со времени неудачной любви в Будапеште, Дункан жила "целомудренно", вернувшись к тому состоянию, когда была девушкой. Сексуальность ее еще не получила мощного импульса, танец и школа захватывали ее полностью. Но в Германии Айседора, создавая танец на музыку Рихарда Вагнера, познакомилась с актером Генрихом Тоде, который влюбился в нее нежной романтической страстью. Молодая женщина ответила на его чувство, и это стало заметно по ее танцу. Однако это была странная любовь. Выражение печали на лице, которое отмечали многие, было отражением внутреннего состояния Айседоры. К тому времени она была уже безнадежно влюблена в Тоде: «...малейшее его прикосновение пронзало меня так, что я чуть не падала в обморок... Я совсем потеряла аппетит." По ночам она не спала, вспоминая о нежном облике своего возлюбленного и эта странная любовь доводила ее до отчаяния. «Хотя я и провела с Хенриком так много ночей, - вспоминала Айседора. - между нами не было сексуальных отношений».

Ее кратковременный роман с Бережи закончился разрывом. Еще в Америке она была обручена с поляком Мироски, который обманул ее, будучи женатым. Эта мужская неверность, а более всего тот факт, что ее отец бросил семью вскоре после ее рождения, убедили Айседору в том, что на любовь мужчины полагаться не следует. Дункан постоянно держит свои чувства в узде, но психологически это приводит к тому, что она «в результате не могла ничего есть и периодически падала в обморок».

В конце 1904 года Айседора повстречала Эдварда Гордона Крэга, высокого, тридцатидвухлетнего мужчину с прямым носом и чувственным ртом. Как и Айседора, Крэг был революционером в искусстве и реформатором театра. "Вся воспламененная любовью, я кинулась в его объятия и нашла в Крэге ответную страсть. Он был плоть от плоти моей, кровь от крови моей". Однако Айседора и Крэг влюбились друг в друга слишком поспешно, как натуры чувственные, импульсивные и упрямые. Крэг писал, что он «чрезмерно увлекался женщинами... Когда меня стали одолевать любовные чувства, я совершенно растерялся и не представлял себе, что делать... Если я видел красивую девушку, которая мне нравилась, я мог просто подойти и попытаться поцеловать ее".

Айседора была оригинальной, в некотором роде такой же истерической

натурой, как и Есенин. Сексуальные влечения в ней постоянно заглушались пуританским воспитанием и приоритетом славы, ее честолюбивых замыслов. Прежде всего, танец будущего, а затем школа, которая становится главной и навязчивой идеей Дункан. Поэтому и любовь ее всегда была романтической, бурной, страстной, хотя чисто физическое влечение еще не наложили свой отпечаток на нее. С самого начала Айседору, казалось, не трогали сомнения в том, настоящая у них любовь или нет, и какой конец будет у этого очередного увлечения. Они поехали вместе в России, а после ее успешного выступления в обеих столицах Айседора обнаружила, что она беременна. Ребенок, которого она так страстно желала с самого начала их романа, наконец, должен был появиться.

Настроение у Айседоры ко времени приближения родов испортилось и близкая подруга ее Кэтлин, с которой она жила в уединенном домике писала: "В ту ночь я проснулась с ощущением, что не все в порядке... Я встала и бросилась в комнату Айседоры. Ее кровать была пуста.. Что-то заставило меня броситься прямо на берег моря, и там, прямо перед собой в воде, на глубине...я отчетливо разглядела голову и две протянутые руки. Когда я приблизилась к ней, крича и зовя ее, она обернулась со спокойным, несколько удивленным взглядом, протянула ко мне руки и со слабой, детской улыбкой сказала: "Море было таким спокойным, я не смогла удержаться и так теперь замерзла".

Психика Дункан становится неустойчивой. Даже в такие радостные минуты ожидания ребенка она сделала первую попытку самоубийства, которая была ничем не оправдана. Крэг не был верным мужчиной, у него была любовница и Айседоре тяжело переживала измену любимого человека. У неё возникали приступы обостренной ревности даже к своей подруге. 24 сентября 1906 года, после двух дней и ночей мучений, у Айседоры родилась дочь Дидра. После этого Айседора прожила с Крэгом два года. Было все, ссоры, любовные примирения, творчество, поездки по странам. Однако Айседора не могла ужиться с Крэгом. Они были одинаково независимы, талантливы, горды, ревнивы. Тем более, что у Крэга было много любовниц. "Образ Крэга в объятиях другой женщины преследовал меня по ночам, - писала Айседора. - и я не могла уснуть". Все это попеременно повергало меня в припадки ярости и отчаяния. Я не могла работать, не могла танцевать и совершенно не заботилась, нравлюсь я публике или нет. Я поняла, что такому положению вещей надо положить конец. Или искусство Крэга, или мое. Но я знала, что отказаться мне от искусства

было невысказано". Спустя много времени в книге «Настоящая Айседора» Виктор Серов, ее последний любовник, объяснял ее разрыв с Гордоном Крэгом ревностью Айседоры. «В случае с Крэгом она измучила себя собственными сомнениями на его счет...». Такой же ревностью мучила Айседора и Сергея Есенина.

Но разочарованная и уставшая от ревности Айседора вскоре сама встретила обворожительного молодого человека – белокурого и голубоглазого Пима. "До этого времени любовь приносила мне одни лишь идеалы и страдания, – писала Айседора. – Пим принес мне радость — одну только настоящую, восхитительную радость, как раз в ту минуту, когда я больше всего в ней нуждалась, ибо без Пима я бы погрузилась в *безнадежную неврастению*". Эта кратковременная страсть к молодому человеку положила конец двухлетнему роману с Гордоном Крэгом.

Однако самой большой удачей в любовной жизни Айседоры была встреча с миллионером Парисом Зингером, которого она, влюбленная в музыку Вагнера, назвала Лоэнгрином (герой одноименной оперы Рихарда Вагнера – прекрасный и белокурый юноша-рыцарь). Айседора все еще любила Крэга, но решительно оставила его. Она уехала к Парису Зингеру, чьи миллионы помогли ей вначале, но чьи миллионы она потом проклянет. Дункан нужна была материальная поддержка, и это ее решение можно было понять. Жизнь с Зингером дала Айседоре некоторое успокоение, а 1 мая 1910 года на вилле «Огуста» в Болье у Айседоры родился сын Патрик.

Жизнь с Зингером не мешала Айседоре иногда ощущать сексуальное влечение к молодым людям. С возрастом у неё появилось большая чувственность. Как-то в подпрыгивающем на ухабах автомобиле она оказалась в объятиях некрасивого пианиста Андре Капеле. "Я посмотрела на него и вдруг почувствовала, что все мое существо запылало..." Они стали любовниками, но внезапно вспыхнувшая страсть очень быстро погасла. Этот роман Айседоры вызвал ревность Зингера, они поссорились, но до окончательного разрыва дело не дошло. Опомнившаяся Дункан бросила пианиста. Однако чувственность Айседоры становилась все более и более маниакальной. А однажды вечером, когда Айседора и Зингер давали азиатский костюмированный бал в ее студии, Парис застал в соседней комнате Айседору и драматурга Анри Батая, занимающихся любовью. Зингер вышел из себя и публично порвал с Айседорой. В утешение Дункан завела себе нового молодого любовника – музыканта Генера Скенэ. Зимой 1913 года они вместе совершили новую поездку в

Россию. Вернувшись, Дункан вновь помирилась с Зингером, однако их встреча в Версале принесла Айседоре огромную трагедию.

По дороге в Версаль в дождливую погоду, автомобиль, в котором находились дочь Айседоры, сын Патрик и гувернантка, по нелепой случайности или по вине шофера, оставившего машину без присмотра, упал в Сену. Когда машину, наконец, подняли из реки, оба ребенка и их гувернантка, Анни Сим, были мертвы.

Это был страшный удар по психике Айседоры. Она сама не плакала, хотя все вокруг были потрясены этим событием. Напротив, она ощущала какое-то непреодолимое желание утешать всех. Удивительное спокойствие при сильнейшем душевном потрясении Айседора выдержала недолго. После похорон детей у неё появилось твердое намерение покончить с жизнью. От самоубийства ее спасла мысль о своем долге перед девочками из школы танца. Но жизнь ее после этой трагедии стала одинокой и неинтересной. Ни любимая школа, ни вызванный Айседорой бывший любовник, ни утешающие ее друзья, не могли избавить ее мысли от воспоминаний и постоянных видений.

Однажды, находясь в Италии в гостях у актрисы Элеоноры Дузе, Айседора, прогуливаясь одна вдоль песков, снова увидела впереди себя своих детей. "Они шли, – вспоминает она, – взявшись за руки. Я окликнула их, но они, смеясь, побежали вперед, скрывшись из виду. Я побежала за ними... преследовала... знала, но внезапно они растворились в тумане морской пены. Ужасный страх овладел мною. Это видение моих детей — неужели я сошла с ума? Я ясно почувствовала, что одной ногой переступила грань между бредом и безумием. Я увидела перед собой сумасшедший дом... угрюмо однообразную жизнь и в горьком отчаянии бросилась навзничь и зарыдала.

Не знаю, долго ли я пролежала так, когда почувствовала, как чья-то рука сочувственно гладит меня по голове. Я подняла глаза и увидела человека, который, казалось, сошел со стен Сикстинской капеллы, расписанной Микеланджело. Он произнес:

— Почему вы всегда плачете? Могу ли я что-нибудь для вас сделать, помочь вам?

— Да, — сказала я. — Спасите меня... спасите больше, чем мою жизнь... мой разум.

Вечером мы стояли вместе на крыше моей виллы. Солнце садилось за морем;

восходящая луна заливала искристым светом мраморные склоны горы. Я поняла, что нашла избавление от горя и смерти, — что возвращена к жизни, чтобы любить вновь".

Айседора забеременела от молодого итальянского скульптора. 1 августа 1914 года она почувствовала первые родовые муки. Есенин только начинал свой путь славы в Петербурге, а Айседора уже ждала третьего ребенка, надеясь восполнить свою потерю. Однако бедной женщине не пришлось наслаждаться материнством. Не успев прожить нескольких часов, новорожденный ребенок умер.

"Мне кажется, что в ту минуту я достигла предела всех страданий, которые суждены мне на земле. Ибо с этой смертью словно умирали вновь мои первые дети. Эта смерть повторяла прежние муки... еще более усугубленные... Я лежала истерзанная и беспомощная". Меланхолия овладевала Айседорой все сильнее и сильнее. Её не покидает мысль о самоубийстве, жизнь для нее становится невыносимой. Танцы и школа еще как-то успокаивают ее возбужденный разум, но признаки душевной неуравновешенности начинают проявляться все резче.

Она часто прогуливалась по побережью, обуреваемая ужасным желанием никогда больше не вернуться к своей бурной и печальной жизни. Вплоть наступления сумерек Дункан бродит вдоль берега моря, пока не начинается прилив. "Невзирая на сильный холод, я испытывала огромное желание погрузиться в море, чтобы навсегда покончить с невыносимым горем, от которого не могла найти облегчение ни в искусстве, ни в рождении нового ребенка". Образ детей постоянно стоит перед Айседорой, и любая их вещь, случайно увиденная ею, исторгает из нее жалобные, полубезумные крики.

Айседора стала много пить. Во время турне в Южную Америку она регулярно пополняла запасы шампанского в каждом порту, куда они заходили по пути в Рио де Жанейро. На пароходе Дункан заводит многочисленные романы; ее чувственность стала какой-то маниакальной. После ухода Зингера она пыталась доказать всем, что по-прежнему привлекательна, и опробовала на молодых мужчинах свое очарование. Будучи очень открытой по натуре, она хотела дарить любовь, так же как и получать ее. Увлечения Айседоры помогали ей найти успокоение от тревожащих ее видений. В Буэнос-Айресе она впервые танцевала танго и поддалась его томным, нежным и сладострастным ритмам. Ее сердце снова было полно любви.

В Нью-Йорке Айседора снова встречается с Зингером, который продолжал по-прежнему заботился о ней. Однако ее поведение становится непредсказуемым, и

отношения с Зингером идут к полному разрыву. Не думая ни о чем, Айседора отдается своей чувственности. И когда Парис дарит ей бриллианты на одном из вечеров, Дункан сразу после этого танцует сексуальный танец с молодым аргентинцем. Оскорбленный Зингер окончательно покидает Айседору.

Айседора осталась свободной, но бедной. Она не могла содержать школу и по-прежнему тратить деньги на шикарные гостиницы и дорогие ужины. Но ее сердце жаждало не столько уходящей славы и богатства, сколько новой любви. И вот перед ней появился "Архангел", молодой тридцатилетний пианист и композитор Вальтер Руммель. Он был высок, худощав, с блестящими локонами, внешне напоминая Айседоре молодого Ференца Листа. Руммель был очень симпатичен, а его мягкие манеры и какой-то магнетизм его личности действовал на нее завораживающе. Айседора испытывала огромное счастье, работая с тем, кого она любила. Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, они казались по-настоящему влюбленными друг в друга. Руммель одновременно и успокаивал и возбуждал ее измученную душу: он давал ей безмятежность, необходимую для творчества, и страстное сексуальное удовлетворение. Они жили очень тихо и уединенно на французской Ривьере, пока Айседора не почувствовала, что Руммель не влюбился в Анну, одну из шести молодых учениц Дункан.

Ревность и страсть оказывают на Дункан сильнейшее психологическое воздействие. Ежедневно видеть перед собой влюбленных – это самая настоящая пытка. Наконец в Париже ей пришлось расстаться со своим любимым пианистом и своей ученицей. Айседора снова была ввергнута в сильнейшую депрессию. "Каждый ее любовный роман после смерти детей был для нее попыткой восстановить душевное равновесие, – писала Ф. Блейер, – придать смысл жизни, получить стимул для работы. Каждый же разрыв, естественно, порождал еще большие страдания. Каждая последующая потеря напоминала ей о предыдущих, и она переживала это как в первый раз".

Когда Айседора осталась одна в своем парижском доме на Рю де ла Помп, ее психическое состояние было на грани срыва. Айседора жаждала уйти и из дома, и из мира. В эти дни она писала "...мир и жизнь умерли для меня". Именно в таком состоянии психологического срыва ее застала телеграмма от Советского правительства. Приглашение в Россию было для нее истинным спасением от одиночества и самоубийства.

4. Первые аккорды страсти

Сначала на пароходе "Балтаник" Айседора Дункан отплыла из Лондона в Ревель, а затем на поезде отправилась в Москву. В четыре часа утра 24 июля 1921 года Айседора со своими спутницами: приемной дочерью Ирмой и камеристкой Жанной – сошла на перроне Николаевского вокзала в Москве. Никаких дружеских приветствий, никакой встречи. "Ни единого, пусть хоть безлико-официального, голоса, – писала ее приемная дочь Ирма, – который спрашивал бы, здесь ли Дункан".

Айседора была удивлена. Ей не забронировали комнаты, и она оказалась одна в чужой, разоренной войной стране. После того как они сошли с «Балтаника», они ни разу нормально не поели. Тяжелый черный хлеб, который предлагали в поезде, был несъедобен. Первый же кусок расстраивал их нежные желудки, непривычные к подобной пище. Затем женщин поселили в какой-то гостинице, полной крыс, из-за чего они не могли спать всю ночь. На следующее утро Айседора сама поехала к наркому Луначарскому, который очень удивился, увидев ее, и не мог понять, кто же послал телеграмму, приглашая ее приехать в Россию. Тем не менее, он заверил Айседору, что восторгается ее мужеством – приездом в большевистскую Россию, обещал немедленно распорядиться о жилье и снабжении их продуктами. Но разговор о школе был отложен на позднее время. От этих слов Айседора пала духом, но поскольку деваться уже было некуда, она решила остаться и бороться за свою мечту в разоренной и голодной стране.

Об Айседоре все же побеспокоились и для начала устроили в особняке примы-балерины Большого театра Екатерины Гельцер, которая больше походила на музей дрезденского фарфора. От отчаяния Айседора однажды устроила почти полный погром в квартире, грозясь выбросить все эти статуэтки в окно. Вскоре в качестве переводчика к Дункан приставили Илью Шнейдера, который на протяжении многих лет был интимным другом Гельцер, и пригласили на небольшой раут в особняк комиссариата иностранных дел. Она надеялась встретиться с "товарищами" — людьми, с которыми сможет поговорить, которые ее поймут. Окрыленная своими фантастическими представлениями о революции, она надела красную тунику, обвила голову красным шарфом и, как обычно по вечерам, накинула на себя красную шаль. Чтобы подчеркнуть свои революционные устремления, Айседора, ударяя себя в грудь,

повторяла:

- I am red, red!

"Представьте изумление Айседоры, – пишет Мэри Дести, – когда ее ввели в очаровательный салон в стиле Людовика XVI с изящными стульями на выгнутых ножках, диванами, роскошным ковром, безделушками, расставленными по всей комнате. Все приветствовали ее на великолепном французском языке, называя «мадемуазель Дункан», на что она резко отвечала: «Я товарищ Дункан». Это всех сильно позабавило.

Гости восседали, как автоматы, но одна молодая дама села за рояль и начала петь одну за другой маленькие французские баллады. Публика изящно похлопала, восклицая; «Изысканно, прелестно». Айседора глядела на всех этих увешанных драгоценностями, хорошо одетых, декольтированных дам и не могла понять, где она. В конце концов, она не выдержала и, вскочив, воскликнула:

— Да вы соображаете что-нибудь! Выбросить буржуазию только для того, чтобы забрать себе ее дворцы и наслаждаться теми же нелепыми древностями, что и они, и в том же самом зале. И вы все сидите здесь, в этом месте, переполненном плохим искусством и меблированном в дурном тоне слушая ту же безвкусную музыку. Ничего не изменилось. Вы просто захватили их дворцы. Сколько ни меняй, все то же выйдет. Вы сделали революцию. и вы должны были первым делом уничтожить все это ужасное наследие буржуазии".

Когда она вышла, в зале поднялся переполох. Он утих только тогда, когда некоторые из большевистских бонз, сидящих за столом, взглянув на дело по-новому, решили, что товарищ, приехавшая из-за границы, была не так уж и не права. После этого скандала, который удалось замять, Айседоре была обещана школа на тысячу детей. Но реальность нищей страны оказалась совсем другой.

После нескольких выступлений, целых три месяца Айседора оставалась не у дел. С обещанной школой ничего не получалось. Да и в любовном отношении дела обстояли не лучше. Однажды во время поездки за город Айседора встретила с Бородиным, бывшим учителем из Чикаго, а теперь большевистским функционером. Бородин был очень красив: высокого роста, с великолепной фигурой, и прекрасной белозубой улыбкой. Он свободно говорил по-английски, и Айседора, жаждавшая любви, увлеклась темноволосым, с неторопливой речью — культурным и очаровательным мужчиной. Они встречались, гуляли по Воробьевым горам, где жила

Дункан, и во время этих прогулок Айседора пыталась танцами увлечь симпатичного мужчину. Однако страстное желание Айседоры вновь стать любимой разбились о холодность коммуниста Бородина, который вряд ли желал испортить свою политическую карьеру связью с иностранной танцовщицей.

Наступили холода. Шнейдер добился, чтобы Дункан предоставили для постоянного жилья особняк балерины Балашовой, которая эмигрировала из России. Этот дом был предоставлен Московской школе Айседоры Дункан, там же жила Айседора и ее спутники. Это был большой и безвкусный дом, построенный в эклектическом стиле, с тяжелой дубовой дверью, за которой находился вестибюль с колоннами и росписью на потолке в стиле портиков Геркуланума и Помпеи. Войдя в дом, Айседора скривила губы, увидев все эти аляповатые колонны и высокие, двустворчатые двери, с украшениями из бронзы и с барельефом голов Жозефины и Наполеона. Она поднялась по широкой лестнице белого мрамора Айседора и задрала голову, встретила взглядом с глазами десятка римских и греческих красавиц, холодно взирающих с потолка. Пройдя через два «наполеоновских» зала с огромными, в широченных тяжелых рамах картинами батального характера с Наполеоном во весь рост на первом плане, а затем через гостиную «севр», со стенами, обитыми розовым и цветах атласом, она оказалась в «восточной комнате» в мавританском стиле, с вызолоченным жерлом камина, со стенами и потолком, покрытыми сплошными лепными узорами из золота и ярких красок.

Айседора опустила в кресло и залилась неудержимым смехом:

— Кадриль! – кричала она, заразительно смеясь. *Changez vos places.* (Меняйтесь местами). Оказалось, что балерина Балашова, сбежав из Советской России, приехала в Париж и в поисках особнячка попала на Рю де Ла Помп, в дом, принадлежащий Дункан.

Тысяча детей и большой зал были, конечно, утопией. В Москве было плохо с топливом. Немного экзальтированной и упоенной своими мечтами Дункан пришлось довольствоваться школой с полусотней ребятишек, которых устроили в том же особняке Балашовой. Нищие родители приводили своих голодных ребятишек в "школу танца", с тайной целью хоть немного подкормить их. Все эти Тамары, Люси, Мани, Нины, Юли быстро привыкли к Айседоре и льнули к ней, не понимая английского языка, но начав воспринимать ее прекрасный язык "танца будущего".

Быт Айседоры Дункан на Пречистенке стал предметом самых фантастических

слухов и сплетен в Москве. Вызывающая роскошь дома, шуба из куницы, отороченной горностаем, которую ей выделил Красин из запасов реквизированных мехов, все это вызывало у многих зависть и неприязнь. Да, Айседору и ее школу обслуживали два швейцара, две горничные, две секретарши, две машинистки, две поварихи. Все в Москве сидели на пайке. Айседора и Ирма Дункан так же получили артистический паек. Он состоял из некоторого количества белой муки, паюсной икры, чая и сахара. Раз в две недели Жанна ходила со своей большой рыночной корзиной в кремлевский распределитель получать паек для своей «товарища хозяйки». И раз в две недели, Айседора, со своей обычной бездумной щедростью, устраивала «вечер с блинами» для всех своих друзей — вечно полуголодных поэтов и артистов.

"Деньгам и дням она не вела счета, – писал Э. Герман, – и в ее особняке на Пречистенке бывало иногда столь же пышно, сколь и голодно.

Вся ее поездка в Россию была сплошной романтикой. Реальной России она, как и Есенин, не видела. Ей мерещилась страна, где, наконец, осуществился ее эллинский идеал, блаженная страна будущего, где все без исключения граждане облачены в такие же хитоны, какие в Европе носит, увы, только брат ее Раймонд Дункан. Россия обманула Айседору. Древнегреческую наготу культивировал в эти суровые годы лишь Касьян Голейзовский. Прочие граждане даже дома (центральное отопление тогда бездействовало, а «буржуйки» больше дымили, чем грели) не расставались с полушубками и валенками".

Вот в такой обстановке в ноябре 1921 года Айседора познакомилась с Есениным. Несмотря на возраст, Айседора была обаятельна и на редкость хороша собой. Она жаждала любви, но не могла пока найти в своем окружении достойного ее мечтаний человека. Есенин так же знал о приезде Дункан и жаждал с ней встречи. Их знакомство и последующая связь была предрешена. С первого мгновения они ощутили не просто взаимную душевную близость, их встреча была притяжением друг к другу людей одного характера, одного психологического типа, с одним и тем же невротическим взглядом на мир и на свою судьбу.

Есенин как-то незадолго до гибели в разговоре с Е.А. Устиновой назвал себя «божьей дудкой». Такой же «божьей дудкой» была и Айседора Дункан. Они оба без колебаний жертвовали земными благами ради славы, ради своей мечты, ради своего искусства, которое лишь одно было смыслом всей их жизни. Оба в это время находились в состоянии депрессии и душевного одиночества. Дункан еще не отошла

от неверности Руммеля. А Сергей незадолго до встречи с Айседорой получил официальную бумагу: 5 октября 1921 года по заявлению Зинаиды Райх, народный суд города Орла наконец-то развел их. И хотя семья уже не существовала почти год, потерю детей и официальный развод Есенин перенес крайне болезненно. Он пытается найти утешение в объятиях девушек, то Гали Бениславской, то Нади Вольпин. Бениславская, влюбленная в Есенина, долго ждала этой минуты, когда она сможет стать самым близким ему человеком, но "измена" Есенина с Дункан привела ее на больничную койку с обострением приступа неврастения. Айседора заслонила собой всех женщин.

Две психопатические натуры – Дункан и Есенин — были очень похожи друг на друга своей судьбой и отношением к жизни. Они отличались широтой души, веселостью, талантом, независимостью и мотовством. Айседора безрассудно тратила огромные деньги, получаемые от Париса Зингером, и свои собственные гонорары на туалеты, гостиницы, бесконечные вечеринки с друзьями. Есенин точно так же поступал со своими небольшими заработками. Несмотря на то, что их всегда окружала вереница друзей и поклонников их таланта, оба страдали от одиночества, не имели постоянного дома, оба были мечтателями и жаждали каких-то несбыточных свершений, находясь в плену своих невротических грез и фантазий.

По словам Ст. Куняева: "Есенин в кровавой революционной действительности пытался найти новый "крестьянский" рай на земле – Инонию, Дункан — в пошлом мире буржуазной Европы — античную Грецию".

"Долгий путь прошла эта женщина, – иронично, и вместе с тем сочувственно писал Э. Герман, – прежде чем встретила рокового для нее синеглазого рязанского паренька. Сан-Франциско, Нью-Йорк. Постоянная нужда и постоянная же экзальтация. Поиски хлеба и не сулящие его, осмеиваемые трезвыми янки проекты возрождения эллинского танца. Париж, Лондон. Шумный успех на сценах Нового Света, деньги, поклонение всего, что есть в Европе отмеченного известностью. И, наконец, вот, после славы и благополучия,— голодная Москва революционного времени, грязное «Стойло Пегаса» и — после Крэга, д'Аннунцио и других славных — этот, как его — Essenin!"

Как-то к гуляющим в парке Есенину и Мариенгофу подошел художник-имажинист Георгий Якулов и, загадочно поглядев, предложил Есенину познакомиться

его с Айседорой, которую видел здесь на прогулке. Вздурораженный Есенин бросился с друзьями на поиски, но Дункан не нашли. Есенин мрачнел и досадовал. "Теперь чудится что-то роковое в той необъяснимой и огромной жажде встречи с женщиной, – писал Мариенгоф, – которую он никогда не видал в лицо и которой суждено было сыграть в его жизни столь крупную, столь печальную и, скажу более, столь губительную роль".

Но Якулов все-таки познакомил Сергея с Айседорой. Встретившись как-то со Шнейдером, он пригласил его и Дункан к себе на небольшой вечер, сказав, что там будет и Есенин. В первом часу ночи приехала Дункан, одетая в красный хитон, льющийся мягкими складками. Крупная, с крашенными, с отблеском меди, волосами, она ступала легко и мягко. По обычаю, Айседоре преподнесли штрафной стакан водки, который надо было выпить до дна, не оставляя ни капли, а вся компания пела о ней заздравицу. Вдруг примчался Есенин в светло-сером костюме, крича: «Где Дункан? Где Дункан?» Айседора обвела комнату глазами, и остановила их на Есенине. Перед Айседорой возникло самое прекрасное лицо, какое она когда-либо видела в жизни, обрамленное золотыми блестящими кудрями, с проникающим в душу взглядом голубых глаз. Поэта и танцовщицу не понадобилось представлять.

Айседора легла на диван, а Есенин расположился у ее ног... Есенин, стоя на коленях и обращаясь к нам, объяснял: «Мне сказали, Дункан в «Эрмитаже». Я полетел туда...»

Она окунула руку в его кудри и сказала:

— Solotaia golova!

Потом поцеловала его в губы и сказала:

— Anguel!

Поцеловала еще раз и сказала:

— Tschort!

"Так они «проговорили» весь вечер, – писал Шнейдер, – на разных языках буквально (Есенин не владел ни одним из иностранных языков. Дункан не говорила по-русски), но, кажется, вполне понимая друг друга.

— Он читал мне свои стихи, – говорила мне в тот вечер Айседора, — я ничего не поняла, но я слышу, что это музыка, и что стихи эти писал гений. Айседора была как во сне. "Есенина в этот вечер, – отмечал Э. Герман, – его приятели преподносили торжественно. Именно — преподносили. Есенина в этот вечер подавали в совершенно

несвойственном ему виде. Милый, простой «Сергун» был наспех перекрашен в важного «Сергея Александровича» («Дорогу Сергею Александровичу»)… Лаковые полусапожки его источали особенный блеск, и даже на изображающий эстраду стол он вскочил на этот раз не по-обычному театрально".

Было уже за полночь. Гости стали расходиться. Айседора нехотя поднялась с кушетки. Есенин неотступно следовал за ней. Поймали случайную пролетку; Айседора и Есенин сели вместе, бесцеремонно оттеснив Шнейдера, который устроился на облучке. Есенин затих, не выпуская руки Айседоры. Пролетка тихо протарахтела по улицам, и по дороге на Пречистенку очутилась около большой церкви, окруженной бульжной мостовой. Есенин и Айседора казались счастливыми и не замечали медленной езды.

Потом Айседора и Сергей долго стояли на тротуаре, но не прощались, а затем Есенин был приглашен на чай. Айседора была во власти наваждения. Она помнила лишь голову с золотыми кудрями, лежавшую у неё на груди, и возгласы «Айседора, Айседора, моя, моя!» и до самой смерти говорила, что помнит, как его голубые глаза смотрели в ее глаза, и как у нее появлялось единственное чувство — укачать его, чтобы он отдохнул, ее маленький золотоволосый ребенок. "С этого дня у Айседоры не было ни часа покоя, – писала Мэри Дести, - и очень скоро она поняла, что молодой поэт не только великий гений, но и сумасшедший. За ним всегда следовала группа приятелей, которые его ни на минуту не оставляли и не давали им остаться одним. День за днем, ночь за ночью дом был полон этой очаровательной дикой, сумасшедшей бандой писателей, художников и разного рода актеров. В те годы в России эту группу творческой интеллигенции поддерживало правительство, и она в той или иной мере злоупотребляла этой привилегией. В то время как народ голодал, эта группа была баловнем большевиков". Поэты-имажинисты, вся эта шумная и пьяная компания постоянно толклась в особняке Дункан.

Приятельки являлись к Дункан, как к Надежде Адельгейм, весело провести время. На Пречистенке все было бесплатно, более того, провизия и спиртное поставлялись непосредственно из Кремля. Компания гуляла и веселилась, наслаждаясь «общением» с Айседорой. Перескакивая с английского на французский и обратно, она смешно и неумело вставляла в поток своей речи исковерканные русские слова.

Дункан всегда оставалась единственной женщиной среди окружавшей ее богемы. При всей солидности своего возраста она сумела сохранить внешнее обаяние.

Одетая в полупрозрачную шелковую тунику, она ласково бросала каждому, кто, сопровождая Есенина, приезжал к ней в гости, обе руки и, смущаясь незнанием русского языка, с трудом говорила:

— Есенин ти друг? Ти тоже Друг? Изадора любит Есенин!

5. Мазохистская любовь Айседоры

Есенин скоро почувствовал себя так, словно его опоили. Опоили любовью, вином, славой. Несмотря на то, что влюбленные не понимали друг друга, они чувствовали бесконечную радость в объятиях друг друга. Айседора Дункан увидела в кудрявом и улыбчивом Сергее отдаленное сходство со своим погибшим малолетним сыном. Молодой любовник отвлекал ее от грустных мыслей. Дункан полюбила Есенина сентиментальной и недоброй любовью стареющей женщины. Она была тронута его красотой, его ранимым видом и гордостью в том, что касалось его работы. Друзья и знакомые Есенина убеждали Айседору в его гениальности, и она сама видела это в необычном, ребячливом и издерганном облике Сергея.

Для Есенина не меньшее значение имело ощущение не столько женской, сколько материнской ласки, которой ему так не хватало в детстве. И едва ли случайно то, что все женщины, оставившие глубокий след в жизни поэта, были старше его по возрасту. Какая-то подсознательная ненависть к матери, доставшаяся ему с детства, приводила его к ним. Есенин тянулся к женщинам, способным дать ему именно материнскую заботу и нежность. Лидия Кашина — 1885 года рождения, на десять лет старше, Анна Изряднова — 1891-й (на четыре года), Айседора Дункан — их разница в возрасте измерялась восемнадцатью годами. Старше Сергея была и Августа Миклашевская. Сергей сам признавался Мариенгофу, что "любит пожилых женщин".

Некоторые из друзей поэта, хотя и были изрядно удивлены столь сильными чувствами Есенина к Айседоре, все же могли найти им объяснение. Рюрик Ивнев, навещавший Есенина на Пречистенке, рассказывал, «она была умная и исключительная женщина. Она была необыкновенно привлекательна. Даже вне своего искусства она оставалась удивительно талантливой». Друг Есенина, Бабенчиков писал: «Дункан понимала поэта и по-своему... пыталась развеять... его отчаяние». Кроме того, Есенин чувствовал себя обделенным в связи с недавней женитьбой своего близкого друга Мариенгофа. Посвящая свое время и внимание Айседоре, он не только

получал удовольствие, поскольку был увлечен ею, но и вызывал ревность у Мариенгофа.

"В страстную искреннюю любовь Изадоры я поверила безоглядно, – писала ревновавшая Сергея Надя Вольпин. – А в чувство к ней Есенина? Сильное сексуальное влечение? — да, возможно. Но любовью его не назовешь. К тому же мне, как и многим, оно казалось далеко не бескорыстным. Есенин, думается, сам себе представлялся Иванушкой-дурачком, покоряющим заморскую царицу. Если и был он влюблен, то не так в нее, как во весь антураж: тут и увядающая, но готовая воскреснуть слава, и мнимое огромное богатство Дункан (он получает о нем изрядно перевернутый отчет!), и эти чуть не ежевечерние банкеты на Пречистенке для всей театрально-литературной братии... море разлитое вина... И шумные романы в ее недавнем прошлом. И мужественно переносимая гибель (насильственная, если верить молве) двух ее детей... Если и живет в нем чувство к этой стареющей женщине, по своему великолепной, то очень уж опосредствованное".

Ирма Дункан, Айседора и Есенин. Москва. 1922 год

Дункан и Есенин представляли собой типичную невротическую пару, в которой Сергей был агрессивным партнером, а Айседора – уступчивым. Если внимательно посмотреть на их любовную жизнь, то

первая черта, которая поразит нас – это полная погруженность Айседоры во взаимоотношения. Ее "ангел" становится единственным центром ее существования. Все вращается вокруг него. Ее настроение зависит от того, как относится к ней Есенин. Все ее планы, мысли, действия и старания направлены на соответствие его ожиданиям, как она их ощущает. У Дункан появляется только один страх — страх потери его. Все ее дела, ее занятия бросаются, когда появляется Есенин. Она принимает его друзей, перенимает его взгляды, его поведение. Сергей становится господином, Айседора уступает ему во всем. Когда имажинисты врывались в особняк топотом дюжины ног по лестнице и полудюжиной нетрезвых голосов, приближавшихся с хриплым хохотом и пьяными шутками, Айседора радостно ждала

своего "ангела", а окружающие приходили в ужас. Однажды Айседора сказала Есенину, которого была счастлива увидеть:

— Я сейчас буду танцевать только для вас!

Она поднялась с дивана и попросила пианиста сыграть вальс Шопена, который, как она полагала, должен был привлечь лирическую душу златокудрого поэта. И восторженно, радостно, с обольстительной грацией, она погрузилась в ритмы ганца! Когда музыка смолкла, она подошла к Сергею, громко говорившему что-то своим товарищам, и с простодушной улыбкой и сияющими спросила, как ему понравился ее танец. Есенин сказал что-то грубое и непристойное, что вызвало столь же грубый и непристойный хохот его пьяных приятелей. И, даже не дождавшись, пока вся эта реплика была переведена ошарашенной и оскорбленной Айседоре, поэт вскочил на ноги и заплясал посреди студии, как ненормальный.

В другой раз, придя вместе с Мариенгофом, Есенин увидел на столике перед кроватью Айседоры большой портрет Гордона Крэга. "Твой муж?" – с ревностью спрашивает он. – Да, муж...был...– отвечает Айседора. И затем, как бы извиняясь пред Есениным говорит . – Крэг плохой муж, плохой супруг... Крэг – гений.

Тогда Есенин ревниво указал на себя и произнес:

— И я гений!.. Есенин гений... Гений— я!.. Есенин — гений, а Крэг—дрянь!

— А теперь, Изадора, — танцуй... Понимаешь, Изадора?.. Нам танцуй!

"Он чувствует себя Иродом, – пишет Мариенгоф, – требующим танец у Саломеи".

Дункан надевает есенинские кепи и пиджак и начинает танцевать свой знаменитый танец апаша. Тут же Александр Сахаров начинает одну из своих пошлых частушек:

Толя ходит неумыт,
А Сережа чистенький —
Потому Сережа спит
С Дуней на Пречистенке.

Под звуки детского музыкального ящичка Есенин начинает танцевать "барыню", а Дункан смотрит на него влюбленными глазами, восклицая:

—Это Россия, это и есть Россия... Замечательно.

Есенин останавливается, грубо требует у неё сигарет, потом посылает за шампанским. Глаза так же холодны и бесцветны. А когда Сергей Есенин выпивает залпом стакан и тут же наливает до краев второй, Дункан обвивает его вокруг его шеи своими нежными, полноватыми и мягкими руками. И влюбленно шепчет:

— Есенин крепки!.. Отчень крепки.

Сергей научился открыто требовать, а Дункан молчаливо подчиняться. Айседора отчаянно настаивает на любви, нежности, близости, Сергей же страшно боится выразить свои чувства. Ее уверения в любви кажутся ему лицемерными.. Однажды Айседора написала кусочком мыла на зеркале в своей комнате по-русски печатными буквами: «Я лублю Есенина». Взяв у нее этот мыльный карандашик, Есенин провел под надписью черту и быстро написал: «А я нет». Айседора отвернулась, печальная. И лишь накануне отъезда в Берлин Есенин написал: «Я люблю Айседору».

Есенин не может удержаться от энергичного сопротивления ее чувствам, а значит, и ей самой. Это, в свою очередь, заставляет Дункан чувствовать себя пренебрегаемой или обиженной, возбуждает тревогу и усиливает ее прилипчивость. И тогда в Есенине возникает противоположный импульс. Хотя он делает все, чтобы заставить ее зависеть от себя, ее цепляние за него ужасает и отталкивает его. Айседора постоянно стремилась быть рядом с Есениным, устроить его быт, ходить с ним вместе на его выступления. Подолгу сидела на угловом диванчике в «Стойле Пегаса», который был предназначен для «своих» - поэтов, хозяев кафе, участников выступлений. Сидела и не сводила, глаз с бурлящего на эстраде Сергея и твердила, точно выстукивая латинскими буквами русскую телеграмму:

— Essenin.

Такой увидела ее и в «Стойле Пегаса» и Надя Вольпин. "Женщина красивая, величественная одиноко сидела в левом углу, в «ложе имажинистов». Видно, что рост у нее немалый. На длинной полной шее... подана зрителю маленькая, в ореоле медных волос голова. Мелкие правильные черты, если что и выражают, то разве что недовольство и растерянность... Женщина открыла сумочку, перед карманным зеркалом (ух ты, какое большое!) подкрашивает губы... Изадора рисует себе наивные губки бантиком, строит личико юной семнадцатилетней девчушки! И от этих ее потуг поблекшие в страстях и горестях тускло-голубые глаза кажутся совсем уж старушечьими".

В характере Айседоры было много нежности. Она постоянно прощала и извиняла Сергея, он же наоборот, чувствуя ее превосходство, пытается отвергать ее претензии на ласку и нежность. За страстными сексуальными отношениями следуют грубые оскорбления. Чувства Есенина к Айседоре были подвержены частым переменам. «Временами он, казалось, любил ее изо всех сил, не оставляя ни на минуту одну, — замечал друг Есенина, Иван Старцев. — А иногда он держался сам по себе, обращаясь к ней лишь изредка, жестоко, грубо, порой даже бил ее и ругал последними уличными словами. В такие моменты Айседора была особенно терпелива и нежна, пытаясь успокоить Есенина любыми способами».

Все что Есенин требует от Айседоры, он считает полагающимся ему по праву. Если его желания не выполняются, возникает раздражение. Он чувствует и заявляет Айседоре в весьма определенных выражениях, что он совсем не требователен, это она скупа, сентиментальна, невнимательна, недооценивает его, а он должен все это терпеть. Ее огромную потребность в любви, постоянное желание быть вместе с ним Есенин считает собственническим чувством, а ее желание сексуальных отношений — вседозволенностью. Он не обращает внимание на ее потребности, считаясь только со своими. Он постоянно глушит ее радость своим плохим настроением, принуждая тем самым Айседору чувствовать себя неприятной и нежеланной. Сознание того, что он окутан заботой, раздражало Есенина, который всегда был независимым и одиноким по натуре. В результате начинает расти его пренебрежительное и презрительное отношение к ней. "Есенин впоследствии стал ее господином, — писал Мариенгоф, — ее повелителем. Она, как собака, целовала руку, которую он заносил для удара, и глаза, в которых чаще, чем любовь, горела ненависть к ней".

Со стороны Сергея это было скорее чувственное увлечение, связанное с его поиском славы, чем искренняя любовь. Отсюда его грубость с Айседорой, его раздражительность, какая-то буйная веселость. Выпивавший до последнего времени изредка, Есенин после знакомства с Дункан начал проявлять склонность к вину. Все чаще и чаще, возвращаясь домой из «Стойла», ссылаясь на скуку и усталость, предлагал он завернуть в тот или иной кабачок — выпить и освежиться. И странно, он не столько пьянел от вина, сколько досадовал на чье-нибудь не понравившееся ему в разговоре замечание, зажигая свои нервы, доходя до буйства и бешенства. Однако по-прежнему обычный шум в кафе, пьяные выкрики и замечания со столиков при

выступлении Есенина тотчас же прекращались. Слушали его с напряженным вниманием. Бывали вечера его выступлений, когда публика, забив буквально все щели кафе, слушала, затаясь при входе в открытых дверях на улице.

Излюбленными вещами, которые Есенин читал в эту зиму, были «Исповедь хулигана», «Сорокоуст», «Песнь о хлебе», глава о Хлопуше из «Пугачева», «Волчья гибель», «Не жалею, не зову, не плачу».

Именно в этом стихотворении Есенин выразил свои глубинные психологические конфликты. Настоящее "нежное Я" не дает Сергею покоя и постоянно врывается в душу, терзает ее, вызывает на откровенность, борется с его искусственным "гордым Я", которое заставляет делать совсем не то, к чему предназначена его чувствительная, мягкая, болезненная душа. Отсюда тот крик, та необычная философская глубина его лирики, в которой он выражает весь свой протест против своей же неприкаянной жизни.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

Росла не только его слава. Есенина узнавали на улицах, мгновенно раскупили его фотографию с трубкой в зубах. Но одновременно повсюду ходили сплетни, что поэт "женился на богатой старухе". Друзья тоже сочиняли частушки, даже Мариенгоф не поленился и написал:

Не судите слишком строго,
Наш Есенин не таков.
Айседур в Европе много –
Мало Айседураков!

Как-то Айседора Дункан танцевала в бывшем Зиминском театре. Все было переполнено: партер, ложи, балкон, ярусы. Мариенгоф и Есенин сидели с Есениным в ложе бенуара, недалеко от сцены. Актрисы и нэпманы, заполонившие ложи, громко обсуждали выступление танцовщицы. Есенин слышал, как один из них говорил, что это довольно неэстетическое зрелище: груди болтаются, живот волнуется. Пора старушечки кончать это занятие. Есенин сидел в глубине ложи, прячась от зрителей. Его губы побелели. Когда он уходил в след ему несло:

– Есенин!.. Есенин! Муж старухи!

Это еще больше усиливало пьянство Сергея.

А где-то от обмана и рухнувших надежд страдала Галя Бениславская. Сергей забыл все, увидев Айседору Дункан. Чем она его приворожила? Ведь после первого спектакля на банкете, устроенном в ее честь, знаменитая танцовщица получила хороший урок, как отбивать чужих кавалеров. Взынченная успехом, и чувствуя себя по-прежнему прекрасной, она увидела в сторонке стоящего Есенина и, по своему обыкновению, оглядывала участников банкета, ища среди присутствующих достойного "разделить" с ней сегодняшний триумф. Она подошла к Есенину своей "скользкой" походкой и, недолго думая, обняла его и поцеловала в губы. Она не

сомневалась, конечно, что ее поцелуй осчастливит этого "скромного простачка". Но Сергея, уже немного выпившего, поцелуй Айседоры привел в ярость. Он оттолкнул ее:—"Отстань, стерва!" Не понимая, она поцеловала Есенина еще крепче. Тогда он, размахнувшись, влепил ей звонкую пощечину. Айседора ахнула и в голос, как деревенская баба, зарыдала. Сразу протрезвившийся Есенин бросился целовать ей руки, утешать, просить прощение.

6. "Я искал в этой женщине счастье..."

Связь с Айседорой уже начинает тяготить его. Иногда он прибегал на Богословский к Мариенгофу с Никритиной, держа маленький сверток в руках. В такие дни лицо его было решительно и серьезно. Сергей говорил, что разрыв окончателен. В маленьком свертке приносил две-три рубашки, пару кальсон и носки. Но все его побеги от Айседоры были несерьезны. Есенин демонстрировал свои права, свою волю, подсознательно стремясь обидеть Дункан, причинить ей душевную боль. А к вечеру прибегала сама Айседора с заплаканными глазами и припухшими губами. Она опускалась на пол около стула, на котором сидел Есенин, обнимала его ногу и рассыпала по его коленям свои чудесные волосы.

— Ангел.

Есенин грубо отталкивал ее сапогом:

— Поди ты к... — и хлестал отборной бранью.

Тогда Айседора улыбалась еще нежнее и еще нежнее произносила:

— Сергей Александрович. Лублу тибья.

И Есенин в который раз возвращался к Айседоре. В их необычных сексуальных отношениях Сергей был капризным, упрямым маленьким ребенком, а Айседора была матерью, любящей его до такой степени, что прощала все и смотрела сквозь пальцы на его вульгарные ругательства и мужицкое рукоприкладство. Потребность Айседоры идеализировать Есенина и потребность сдаться действуют совместно в ее подсознании. Она приглушила свое личное Я до такой степени, что видит своего "ангела", других и себя его глазами — поэтому разрыв для Дункан психологически труден и невыносим. Ее самоунижение — это средство для нахождения внутреннего единства через отказ от себя и слияние с любимым человеком.

Стареющая женщина отчаянно пытается улучшить взаимоотношения с

молодым любовником. Более чем когда либо она становится на цыпочки, чтобы угодить, соответствовать его ожиданиям, видеть виноватой себя, не замечать или отрицать любую грубость, понимать, сглаживать углы. Не осознавая, что все бесполезно, и приводит лишь к новым грубостям с его стороны.

Все эти постоянные сцены любви и счастья обычно следовали за сценами пьянства и побегов с Пречистенки. В январе друзья попытались развести Есенина и Дункан. Начали соблазнять поездкой в Персию. Сергей снова встречается с Надей Вольпин. Умная девушка видит, что не так ее любимый устремился в Персию, как бежит от Айседоры, от пьяного угара. Общались они долго, а когда Надя уже поднялась уходить, Есенин взял ее руки - каждую в свою — повернул ладонями кверху, широко их развел и крепко каждую поцеловал в самую середину ладони.

— Вернусь, другой буду!

И, помолчав, тихо добавляет:

– Жди!

Вместо Персии Сергей неожиданно выехал в Ростов. Узнав об этом, Айседора слегла. Несколько дней она не поднималась с постели, а последние два дня не хотела ни есть, ни пить. Ей постоянно мерещился ее любимый "ангел". Есенин провел в Ростове всего один день... Ему не понравилась погода: подтаявший снег, серый туманный день. "Настроение у него было неважное, – вспоминает Нина Александрова, – ощущалось, что обстановка, сложившаяся в его личной жизни, тяготила его, что ему очень хотелось уехать куда-нибудь из Москвы". Из Ростова Сергей писал Мариенгофу: "Привет Изадоре, Ирме и Илье Ильичу. Я думаю, что у них воздух проветрился теперь и они, вероятно, уже забыли нас. Ну, да с глаз долой и из сердца вон, плакать, конечно, не будем".

И все же через несколько дней Есенин вернулся в Москву. Не выдержал. По возвращении он почти перебрался жить на Пречистенку, потому что к Мариенгофу переехала жить его жена, Анна Никритина-Мартышан. Ссоры между Дункан и Есениным, двумя истерическими натурами продолжались по-прежнему. Айседора подарила своему "ангелу" золотые часы, с ее фотографией под задней крышкой. Есенин был в восторге. Он беспрестанно открывал их, клал обратно в карман и вынимал снова, радуясь как ребенок. Однажды ночью, после того как друзья немилосердно дразнили его по поводу «обручального подарка» — аристократических золотых часов, он пришел в комнату Айседоры и отдал их ей назад. Он отказывался

принять их. Дункан сказала ему, что если он действительно ее любит, он должен взять часы, невзирая на глупых друзей. А через несколько дней во время очередной ссоры Сергей разбил эти часы на части. Айседора, побледневшая и сразу осунувшаяся, печально смотрела на остатки часов и свою фотографию, выскочившую из укатившегося золотого кружка. Есенин никак не мог успокоиться, озираясь вокруг и крутясь на месте. Есенин рванулся вперед, поднял карточку и приник к Айседоре.

Продолжалась такая жизнь до февраля, когда Айседора получила предложение приехать в Петроград и дать там несколько представлений. Айседоре было трудно расставаться с Сергеем. Уже на вокзале перед отъездом, она вдруг наклонилась к Шнейдеру и умоляющим голосом попросила его уговорить Есенина поехать с ней в Петроград. Есенин и сам был не прочь уехать из Москвы.

Он радостно закивал головою, обращаясь к Айседоре:

— Изадора! Ты... я... Изадора — Есенин — Петроград!

Прибыв в Петроград, они поселились в гостинице "Англетер", где Дункан сняла по своему обыкновению самый лучший номер. Пока Айседора выступала перед петроградской публикой и моряками крейсера "Аврора", Есенин обнаружил, что в "Англетере" торгуют всеми лучшими дореволюционными марочными винами. Он заказывал все, что хотел и сколько хотел. Возвращаясь с концертов, Айседора заставала Сергея перед богатой коллекцией пустых бутылок. "И не один раз за время их пребывания «Англетере», – вспоминала Ирма Дункан, – его приходилось силком тащить в его комнату с помощью коридорных, которые заставляли его разгуливающим совершенно голым или буйствующим в холлах гостиницы".

На несколько дней Сергей приехал в Константиново, чтобы забрать сестру Екатерину в Москву. Затем снова вернулся на Пречистенку, которую он уже начинал ненавидеть, но куда его тянуло какой-то неосознанной и притягательной силой. Правда, наступали минуты, когда Есенин начинал оценивать свою жизнь критически, пытался вернуться к своему призванию "первого поэта России". "Живу я как-то побивуачному, – жаловался Есенин Иванову-Разумнику, – без приюта и без пристанища, потому что домой стали ходить и беспокоить разные бездельники, вплоть до Рукавишникова. Им, видите ли, приятно выпить со мной! Я не знаю даже, как и отделаться от такого головотяпства, а прожигать себя стало совестно и жалко. Хочется опять заработать, ибо внутри назрела снова большая вещь".

В том же письме он резко отзывается о поэзии Клюева и его сборнике "Четвертый Рим", иронизирует над стихами Мариенгофа и Шершеневича, да и вообще обо всех критиках, которые не восхищаются его поэзией он пишет "Очень уж опротивела эта беспозвоночная тварь со своим нахальным косноязычием. Дошли до того, что Ходасевич стал первоклассным поэтом... Нужно обязательно проветрить воздух. До того накурено у нас сейчас в литературе, что просто дышать нечем... Устал я от всего этого дьявольски! Хочется куда-нибудь уехать, да и уехать некуда..."

Уехать было куда. Есенин давно мечтал о мировой поэтической славе. Есенин был известен в России среди ценителей поэзии, его изумительное чтение своих стихотворений привлекало людей на публичные чтения. Скандалы и слава "хулигана" еще больше увеличивала интерес и к поэзии и к личности Есенина. Однако Россия уже была мала для его мечтаний. Еще в ноябре 1921 года, Сергей радостно сообщал Мариенгофу и Старцеву о важном для имажинистов событии, об издании их стихотворений за границей: "Сегодня 19 ноября пришло письмо от Лившица, три тысячи германских марок, 10 фунтов сахара, 4 коробки консервов и оттиск наших переведенных стихов на еврейский язык с «Исповедью хулигана» и «Разочарованием». Америка делает нам предложение через Ригу. Вена выпускает к пасхе сборник на немецком, а Берлин в лице Верфеля бьет челом нашей гениальности. Ну что, сволочи?! Сукины дети?! Что, прохвосты?! Я теперь после всего этого завожу себе пару кобелей и здороваться буду со всеми только хвостами или лапами моих приближенных".

Почему Есенин стремился поехать за границу, в Берлин? Все дело в том, что после первой мировой войны, Берлин стал центром русской литературной эмиграции. Здесь жили и печатали свои произведения не только эмигранты первой волны, ярые противники большевиков, вроде "жоржиков" – Георгия Иванова и Георгия Адамовича, но и такие поэты, как Северянин, любимый Есениным Андрей Белый, Ходасевич. Сюда приезжал и Максим Горький, подолгу жили Алексей Толстой, Илья Эренбург и другие писатели, вернувшиеся позже в советскую Россию. В Берлине выходили литературные альманахи и журналы, печатались книги на русском языке. Есенину было важно издаваться именно здесь, в литературной столице русской эмиграции. Поэтому в марте 1922 года Есенин пишет заявление Наркому по просвещению Анатолию Васильевичу Луначарскому, с просьбой выдать заграничный паспорт "для поездки на трехмесячный срок в Берлин по делу издания книг: своих и примыкающей

ко мне группы поэтов". Как это ни странно, Есенину была разрешена командировка в Германию сроком на три месяца. Есенин стал готовить свои беловые автографы, гранки и вырезки своих произведений – для подготовки сборников.

Очень многие авторы пишут, что Есенина взяла за границу Дункан. На самом деле, Сергей самостоятельно пробивал себе дорогу к славе, и, я думаю, что он решил поехать один, чтобы избавиться от назойливой и прилипчивой любви Айседоры. "Есенин нам говорил, – вспоминал В. Шершеневич, – я еду на Запад для того, чтобы показать Западу, что такое русский поэт". Однако Дункан не хотела отпускать от себя молодого любовника. Собиралась она ехать в Берлин с Есениным или нет, трудно сказать, но вскоре Айседора получила телеграмму из Парижа. 12 апреля скончалась ее мать Дора Грей Дункан. С этого момента, под влиянием смерти матери и твердого желания Сергея поехать в Берлин, Айседора с поистине женской хитростью решила удержать около себя своего "ангела". Она, видимо, играя на тщеславии Есенина, предложила ему совершить поездку по всему миру, в Париж, в Америку, где он смог бы получить действительно мировую известность. Есенин не смог удержаться от такого заманчивого предложения. Айседоре нужно было уехать – она была не очень здорова, да и финансовое состояние ее школы желало лучшего.

Наступил НЭП и большевики, каленым железом выжигавшее частную собственность, теперь разрешили свободу предпринимательства. Соответственно все меньше дотаций от государства стала получать и школа Дункан. Айседора понимала, что единственным способом достать деньги было бы турне по другим странам как в прежние времена, и еще лучше с группой лучших своих учениц. С этой целью она послала телеграмму известному американскому импресарио Соломону Юроку, постоянному организатору гастролей Айседоры Дункан в Америке.

«Можете ли организовать мои спектакли участием моей ученицы Ирмы, двадцати восхитительных русских детей и моего мужа, знаменитого русского поэта Сергея Есенина. Телеграфируйте немедленно. Айседора Дункан».

Предложение Айседоры было принято, и она стала готовиться к осенним гастролям на своей родине. Поэт согласился сопровождать Айседору. Однако в душе его не было радости. Его "гордое Я" – Мефистофель есенинской психики – постоянно толкало его на действия, противные ему самому, но от которых он не мог отказаться. Каким-то магическим способом оно оттесняло настоящие чувства и желания Сергея, и эта все увеличивающееся отчуждение от себя, приводило к пьяным выходкам,

душевному разладу, надломленности. Невротическая ненависть к себе начинает проявляться в Сергее с большей силой. Несоответствие между тем, кем хотел быть Есенин и тем, кто он есть на самом деле, выражается в его презрении к себе, как существу слабому. Сергей начинает ощущать в себе какое-то чувство вины, неполноценности, ограниченности, измученности. В таком состоянии перед отъездом из России увидел Есенина его старый друг юности Бабенчиков, навестивший Сергея весной 1922 года в особняке на Пречистенке.

Его впечатления от быта Есенина и пронизательный анализ душевных переживаний поэта настолько интересны и описаны великолепным языком, что необходимо привести их почти полностью для правильного понимания есенинской психологии. Наиболее важные и характерные фразы я отметил курсивом. "Поднявшись по широкой мраморной лестнице и отворив массивную дверь, – пишет Бабенчиков, – я очутился в просторном холодном вестибюле. Есенин вышел ко мне, кутаясь в какой-то пестрый халат. *Меня поразило его болезненно-испытанное лицо, припухшие веки глаз, хриплый голос*, которым он спросил:

— Чудно? — И тут же прибавил: — Пойдем, я тебя еще не так удивлю.

Сказав это, Есенин ввел меня в комнату, огромную, как зал. Посередине ее стоял письменный стол, а на нем среди книг, рукописей и портретов Дункан высилась деревянная голова самого Есенина, работы Коненкова. Рядом со столом помещалась покрытая ковром тахта. Все это было в полном беспорядке, точно после какого-то разгрома.

Есенин, видя мое невольное замешательство, еще больше возликовал:

— Садись, видишь как живу — по-царски! А там,— он указал на дверь,— Дункан. Прихорашивается. Скоро выйдет.

Проговорил он все это скороговоркой, будто сыпал горох, и *потом начал обстоятельно рассказывать, как выступал в модном кабаре и как его восторженно принимала публика.*

Вошла Дункан. Я ее видел раньше очень давно и только издали, на эстраде, во время ее гастролей в Петербурге. Сейчас передо мной стояла довольно уже пожилая женщина, пытавшаяся, увы, без особенного успеха, все еще выглядеть молодой. Одетая она была во что-то прозрачное, переливавшееся, как и халат Есенина, всеми цветами радуги и при малейшем движении обнажавшее ее вялое и от возраста дряблое тело, почему-то напомнившее мне мясистость склизкой медузы. Глаза Айседоры, круглые,

как у куклы, были сильно подведены, а лицо ярко раскрашено. и вся она выглядела такой же искусственной и нелепой, как нелепа была и крикливо обставленная комната, скорее походившая на номер гостиницы, чем на жилище поэта....

Дункан говорила вяло, лениво цедя слова, о совершенно различных вещах. О том, что какой это ужас, что она пятнадцать минут не целовала Есенина, что ей нравится Москва, но она не любит снег, что один русский артист обещал ей подарить настоящие *petit traineau* (маленькие сани) и еще что-то, все в том же кокетливо-наивном тоне стареющей актрисы. Говоря, она полулежала на широкой тахте, усталая, разморенная заботами прошедшего дня и, как мне показалось, чем-то расстроенная.

Есенин тоже был не в духе. Он сидел в кресле, медленно тянул вино из высокого бокала и упорно молчал, *не то с усмешкой, не то с раздражением слушая болтовню Айседоры*". Затем Есенин и Бабенчиков остались одни. Сергей на корточках расшевелил угли.

"Внезапно вспыхнувшее пламя осветило угол письменного стола и стоявшую на нем неоконченную коненковскую голову Есенина. Мгновение, и из грубого обрубка векового дерева, из морщин его коры на меня взглянуло лицо прежнего Сережи. И, не в силах удержаться, я взглянул на него самого. *Передо мной находились даже не братья, а два смутно похожих друг на друга чужих человека. Первый был ожившая материя, и на его губах играла улыбка продающейся жизни. Судорога прикрывала улыбку второго. Огонь времянки вспыхнул снова, чтобы, дымясь, погаснуть совсем. По стенам поползли длинные черные тени. Скоро не стало и их. Разговор прервался. Есенин встал и, обхватив голову обеими руками, точно желая выжать из нее мучившие его мысли, сказал каким-то чужим, непохожим на свой голосом:*

— Шумит как в мельнице, сам не пойму. Пьян, что ли? Или так просто...

Затем, видя, что я собираюсь уходить, и боясь, что кто-то может его услышать, тихо прошептал:

— Хочешь, провожу? Только скорее. А то еще, чего доброго, Айседора проснется. Ты ее, брат, не знаешь!

Вообще с Дункан, как я имел возможность не раз убедиться, он бывал резок. Говорил о ней в раздраженном тоне, зло, колюче: «Пристала. Липнет, как патока». Вдруг тут же, неожиданно, наперекор сказанному встав:- «А знаешь, она баба добрая. Чудная только какая-то. Не пойму ее».

На улице кружил снег... Так мы дошли до самого Пречистенского бульвара. И только на углу, когда наступило время прощаться, он будто невзначай сказал мне:

— Скоро в Америку уезжаю. Баста. Или не слыхал?

Я шутливо спросил его:

— Навсегда?

Он безнадежно махнул рукой и попробовал через силу улыбнуться:

— Разве я где могу...

В голосе его прозвучали искренние и больные нотки".

В таком состоянии Есенин находился перед отъездом. В таком состоянии он согласился жениться на Дункан. Удивительно быстро осуществилась вся эта затея. Айседора была яркой противницей брачных уз, о чем она постоянно говорила в своих воспоминаниях. Оттолкнув Крэга и Зингера, она вышла, однако, замуж за Есенина. С одной стороны брак давал им возможность свободно передвигаться по Америке, этой ханжеской стране, с другой стороны эта чисто формальная процедура внушала Айседоре мысль, что она не отказалась от своих феминистских убеждений.

На следующий день после майских праздников "Айседора Дункан, артистка, и Сергей Александрович Есенин, литератор", как гласило официальное свидетельство, сочетались браком в сереньком канцелярском загсе. В паспортах у них было записано: фамилия – «Дункан-Есенин». Заодно Айседора попросила Шнейдера убавить себе годика три, чтобы не так бросалась в глаза их разница в возрасте. Помолодевшая Айседора была несказанно рада. Но особенно был рад поэт, когда выйдя из Загса кричал на всю улицу: "Теперь я — Дункан!"

На свадьбе Сергей казался торжественным, внимательным и ласковым. Мариенгоф, ревнующий своего друга, вспоминает радостную Айседору, которая забыла всех своих прошлых мужей и любовников: и Крэга, и Зингера, и д'Аннунцио.

"Нет!.. Нет!.. Нет!.. Сережа первый законный муж Изадоры. Теперь Изадора — русская толстая жена!"

Ирма Дункан говорила, что Айседора хотела вывести Есенина из России: потому, что он был болен, нуждался в осмотре специалистами, и потому, что он был поэтом, которому нужны новые почитатели и новая, еще большая слава. Доля правды в этом есть. Есенин сам писал перед отъездом в Берлин Клюеву: "Очень уж я устал, а последняя моя запойная болезнь совершенно меня сделала издерганным, так что даже и боюсь тебе даже писать, чтобы как-нибудь беспричинно не сделать больно". Однако

на путешествие в Америку он поначалу не рассчитывал, и в том же письме к Клюеву сообщал, что "Недели через две я еду в Берлин, вернусь в июне или в июле, а может быть, и позднее". Его больше интересовали литературные дела в Берлине, чем сомнительная слава в Соединенных Штатах.

Сразу после свадьбы он пишет Сандро Кусикову, который жил в Берлине с ноября 1921 года, с просьбой организовать совместный вечер поэзии. Перед отъездом Есенин пришел с Айседорой к Мариенгофу, чтобы попрощаться с другом. Анатолий и его жена собирали чемоданы. "Наш поезд на Кавказ отходит через час. -вспоминает Мариенгоф. - Есенинский аэроплан отлетает в Кенигсберг через три дня".

Перед отъездом Есенин читает очень откровенные стихи, наполненные признанием в своей необычной любви к Анатолию, стихи, напоминающие сонеты Шекспира по силе той страсти к мужчине, которая сквозит в них, "вкладывая в теплые и грустные слова теплый и грустный голос":

Прощание с Мариенгофом

Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств —
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.

Возлюбленный мой дай мне руки
Я по-иному не привык, —
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.

.....

Прощай, прощай. В пожарах лунных
Не зреть мне радостного дня,
Но все ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.

И вот 10 мая 1922 на автомобиле новоиспеченная чета авантюристов отправилась на аэродром имени Троцкого, где их ждал небольшой шестиместный "Фоккер". Отлет с московского аэродрома был назначен на ранний утренний час. Есенин и Дункан были первыми пассажирами открывавшейся в этот день новой воздушной линии «Аэрофлота» Москва—Кенигсберг.

Легонький самолет быстро пробежал по аэродрому, отделился от земли и вскоре превратился в небольшой темный силуэт на сверкающем голубизной небе.